

A woman with long, dark, wavy hair is seen from behind, standing in a snowy forest. She is wearing a long, flowing blue gown with a sheer, iridescent skirt. She holds a white lace umbrella over her head and a white lace glove in her right hand. Snow is falling around her, and the background consists of dark, snow-covered trees.

Светлана Кобец

Снежный роман

18+

Светлана Кобец

Снежный роман

<https://litres.ru/74008434>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пусть эта книга найдёт отклик в вашей душе. Мне хотелось показать, что весна приходит не вопреки зиме, а благодаря ей. Что каждый прожитый день, каждое испытание, каждая преодолённая метель становятся частью пути человека к новому пониманию себя, к надежде и духовному возрождению. Иногда кажется, что зима никогда не закончится. Но жизнь мудрее наших страхов. И если сердце хранит веру, то весна обязательно придёт.

С уважением, автор.

Когда Бог помогает, тогда и ледники тают.

Содержание

Начало всех начал	4
Предисловие	5
21 декабря. Начало и конец	7
Возвращение в родные пенаты	11
Здравствуй и прощай	16
Снегопад	22
Белое и чёрное	28
Рабочие моменты	39
Каждый сам выбирает свой путь	45
Отец Николай	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Светлана Кобец

Снежный роман

Иногда кажется, что зима никогда не закончится. Но жизнь мудрее наших страхов. И если сердце хранит веру, то весна обязательно придёт.

Светлана Кобец

Начало всех начал

Предисловие

Дорогой читатель!

Перед вами роман о жизни.

О жизни такой, какой она приходит к каждому человеку: с радостью и болью, надеждами и разочарованиями, встречами и расставаниями, потерями и обретениями.

Герои книги являются художественными образами, а события романа — частью авторского замысла. Судьба главной героини представляет собой собирательный образ, в котором каждый читатель может увидеть что-то близкое и понятное для себя.

Особое место в романе занимает снег.

Снег бывает белым и чистым, как мечты и надежды человека. Бывает мягким и пушистым, как минуты счастья и душевного покоя. Иногда он манит своей красотой и романтикой, а иногда скрывает за ослепительной белизной предательский холод, разочарование и боль.

Так и жизнь постоянно меняется, открывая человеку новые дороги, испытывая его на прочность и одновременно даря возможность сохранить внутренний свет, веру и любовь к миру.

Мне хотелось показать, что весна приходит не вопреки зиме, а благодаря ей. Что каждый прожитый день, каждое испытание, каждая преодоленная метель становятся частью пу-

ти человека к новому пониманию себя, к надежде и духовному возрождению.

Иногда кажется, что зима никогда не закончится. Но жизнь мудрее наших страхов. И если сердце хранит веру, то весна обязательно придёт.

Пусть эта книга найдёт отклик в вашей душе.

21 декабря. Начало и конец

21 декабря. Обычный зимний день. Мороз пощипывает щёки. Снежинки, мелкие, как крупа, тихо падают на аллею, по которой я иду. Иду защищать диплом. Шесть лет учёбы позади, а что впереди?.. Остаться в милиции... Я уже лейтенант, и что? Зарплата копеечная, да и та маслом да тушёной выдаётся. Денег нет. Зато уже имею несколько ранений и удовольствие видеть, как пишут в больничном, что ты болел ОРЗ (какие такие ранения, их ведь оплачивать надо...). Так что так и СЛУЖИМ ТРУДОВОМУ НАРОДУ! Ладно. Надо сосредоточиться на защите, а то мямлить я не привыкла.

Мысли велись роем пчёл и, казалось, превращались в снежинки, которые и падали с неба. Мелкие, колючие и никому не нужные. Я тихо прошла в комнату моей подруги Татьяны.

— Привет! Готова, дочь попова?

— Да, всю ночь зубрила. Боюсь страшно!

— Не бойся! Пошли! Как говорили классики: «Победа будет за нами».

Мы идём по подземному переходу, который соединяет академию и общежитие, а где-то там наши мысли, у каждого свои, но колючие и холодные, превращаются в снежинки и падают, падают, покрывая собой весь белый свет.

Защита прошла легко. У меня закрытая тема, и были только члены комиссии. «Сорок пять минут позора и полная сво-

бода» – как говорят студенты. Ну, мне до свободы ещё надо сдать документы в аспирантуру, и потом уже можно праздновать. Иду по серым, как моя жизнь, коридорам. Сейчас сдам документы в спецчасть, и погуляем... Татьяна уже ждёт, да и ещё есть люди, страждущие моего общества. Мысли, мысли, какие они колючие... А снежинки за окном всё падают.

— Ты где гуляешь? Все уже за столом! Сдала документы?

— Да, сдала... Пойдём.

— Там твой Олег уже извёлся! У него машина через 3 часа подъедет, а ты где-то ходишь!!!

— Ох, какая забота о моей личной жизни... Успеем ещё.

— Ты посмотри, какой снег...

— А кстати, вы с Олегом сейчас к тебе пойдёте? Машина туда подъедет.

— Ну ты добрая, Татьяна!!! Хоть дай перекусить!

— Давай быстрее! Олег уже всё из ресторана привёз. Везёт же тебе с мужиками...

— Ну-ну, пошли...

Странно. Я никак не могу оторвать свой взгляд от окна. Чего мне дался этот снег?

Олег. Он добрый, надёжный и женатый. Я – замужем и очень устала от всего, что творится в моей жизни. Сладкая парочка. Обычный студенческий роман, который движется к финалу – такому же колючему и холодному, как снег за окном.

Наскоро перекусив и поздравив всех, мы с Олегом уезжа-

ем ко мне. Всё предсказуемо. Обычный прощальный вечер. Мы слишком привыкли друг к другу, и от этого было ещё больнее. Может, это любовь, но мы никогда себе в этом не признаемся – так спокойнее.

Уже завтра всё изменится. Но это будет завтра, а сейчас у нас есть сегодня, и Олег не из тех, кто это упустит. Время неумолимо, и вот он – час прощания.

— Я приеду к тебе на «Малый Совет...» – сказал мне Олег и закрыл дверь машины, которая тут же тронулась и быстро скрылась в ночи.

Вот и всё. У меня остался только этот снег. А он всё падал и падал, пытаясь навсегда засыпать следы уехавшей машины Олега и вычеркнуть его из моей судьбы. В этом было что-то символичное.

■

Зимний вечер с пургой и туманом,
Радость встречи и горечь потерь –
Всё сплелось в этот памятный вечер.
Я всё помню – пойми и поверь.
Почему так всё вышло – не знаю.
Почему... Ты ответь себе сам.
Я за слабость себя презираю,
За порыв, что не властен словам.
Всё как бред, а чего мы хотели...
Если б знали, то всё бы сбылось.
Ах, во всём виноваты метели!

И желание согреться... до слёз.

Возвращение в родные пенаты

Ну что... Надо жить дальше.

■

«Депресняк» свой преодолевая,

Я смотрю на розовый рассвет.

Раз уж не видать ворот мне рая,

Буду жить... Пути другого нет...

Люблю писать стишки. Ну, стихи стихами, а поезд ждать не будет. Из персонального транспорта – только трамвай. Так что вперёд – труба зовёт!!!

Вот он – перрон, поезд № 199, вагон 10, место 13. Всё как обычно. Восемнадцать часов в пути – и я дома. Только что считать своим домом? После очередной командировки в гористые районы я угодила в госпиталь, и трудно было сказать, что со мной будет...

Мой любимый муж, узнав это, перевёз мои вещи к моим родителям... Вот она, любовь...

Помню, как меня привезли на автобусе к дому матери, и мой брат взял меня на руки и унёс в квартиру. Это маленькая квартирка на втором этаже. Здесь я выросла и ушла отсюда...

Купила квартиру в чистом районе города, где мы и жили с моим мужем. Он хороший человек, но слишком любвеобильный для того, чтобы быть верным. Жаль, что я это

узнала слишком поздно. Так что сейчас я приеду в квартиру матери и потом позвоню ему по телефону. За окном всё та же зима и снег – холодный и колючий, как мои мысли. Они кружатся и складываются в замысловатые узоры – такие же колючие и холодные, как и сами снежинки. И стихи... Снова стихи в голове. Они тоже как снежинки – колючие и холодные...

■

О, жизнь, ты воплощение зла и страсти,
любви и муки...

Какой бы ты с другим была,
коль были б мы с тобой в разлуке?

Каким бы призраком идей
затмила ты и ум, и разум?
Чем осветила б тьму ночей
и солнца свет затмила разом?

В какой поток вина и лжи
ты б бросила того – другого?
И сколько дней дала бы жить
до погребения рокового?

О, жизнь, ты не взыщи за стих...
Я не ищу себе пощады.

Хочу лишь, чтоб огонь утих
в душе, пылающей с досады.

Стук колёс располагает к размышлению, и время проходит быстро... Вот моя деревня, вот мой дом родной...

Мама, мой ангел-хранитель, встречает меня на перроне. Сколько тепла и любви в её взгляде. И снег уже не кажется таким холодным, и вовсе он не колючий, а очень даже пушистый, как пуховый платок моей мамы. Мы шли и просто болтали. Снег искрился и ласково кружил вокруг нас. Он, как в детстве, играл со мной в пятнашки, пытаясь усесться мне прямо на нос.

— Мам, смотри – снегирь. Смотри, как он радуется снегу. О... Вот послушай:

■

Был снегопад. Снегирь ему был рад.
Он радостно парил над перелеском.
Окрестных сёл дымок и купол с блеском,
И луг, и ель – накрыл всё снегопад...
Снегирь вкушал всю красоту зимы,
Что выбелила и дома, и веси.
Бесхитростно, по-детски веселясь,
Парил свободный в белом поднебесье.
Был снегопад. Снегирь ему был рад.
Земля сменила серый свой наряд.

— Поэтесса ты моя. Здорово у тебя получается. Запиши обязательно. Кстати, завтра идём увольняться с твоей «звёздной» работы. Ты мне обещала! Врачи сказали тебе: если не хочешь умереть в полёте, то увольняйся.

— Мам...

— Ты обещала! Хватит геройствовать. У тебя третий дан

по карате – можешь тренировать. Сейчас вроде за это не сажают. Да и люди к тебе ходят: кто сглаз снять, кто спину поправить... Как-нибудь проживём. У меня пенсия есть, у отца – тоже. Да, бабушка ни дня не работала на государство и не умерла с голоду. А ты... Получаешь меньше, чем люди тебе за лечение дают... Да и у тебя скоро окончание учёбы в Москве, в твоей магической академии – может, тебе там работу предложат. А кстати, у тебя же письмо рекомендательное от академии. Ты будешь писать кандидатскую диссертацию – может, тебя в администрацию города возьмут... Надо пытаться. Под лежащий камень вода не течёт!!!

— Ладно, ладно – уговорила! Какое небо...

Снег устал падать и взял тайм-аут. Он лежал и блестел. Безразличный к нашим дебатам. Он просто любовался своим творением и собой. А небо – голубое и тихое. Вот оно-то нас слушало – по крайней мере, мне так показалось... Оно не казалось мне безразличным, в отличие от снега, и мне каким-то странным образом пришли на ум строки:

■

Любуюсь я, как тают облака.

Меня влечёт лазурное течение.

О, небо, как судьба моя горька!

Так дай мне своё благословение!

Дай силы не сбежать!

Всё выдержать, постичь!

Все грани бытия увидеть дай мне!

Дай силы мне на свете этом жить
И не прервать своё дыхание!
Да... То ли ещё будет, ой-ой-ой.

Здравствуй и прощай

Весь вечер мы проговорили с мамой. Она заставила меня написать рапорт на увольнение ещё дома. Утром мы поехали в отдел. Я вошла в отдел кадров и тут же услышала:

— Привет! Твои погоны пришли. Когда обмывать будем?

— Вот уволюсь и проставлюсь сразу за всё.

— Как уволишься? У тебя командировка на следующий месяц запланирована!

— Я ещё на больничном... Какая командировка? Всё. Вот рапорт... подписывайте.

— Ты...

— Я никуда не поеду.

— Тогда иди к начальнику. Думаешь, твой диплом тебя прокормит? Да ты через неделю прибежишь обратно. Нет, подписывать не буду! Вот съездишь в командировку, а потом посмотрим. Не подпишу!!!

— Ладно!

Я поднимаюсь по родной лестнице на второй этаж. Начальник – у себя. После непродолжительного разговора и рассказа о моём будущем подписал.

И вот она, свобода!!! Я заехала в ГУВД, подписала, что положено, – и в путь.

Теперь я без работы! Ну, ясное дело, что деньги я зарабатывать могу, но надо официально работать, положено вроде

так. Меня слегка покачивает от всех сегодняшних визитов, рана даёт о себе знать – опять температура... Ладно, надо ещё в администрацию города съездить, рекомендательное письмо показать – а вдруг предложат работу... Маму я отправила домой, а сама направилась в администрацию. Пока ехала в трамвае, наконец-то удалось рассмотреть погоду за окном. Серый день – небо серое, снег серый. Никакого лоска. Вот и здание администрации города – такое же серое, как погода. Ну да ладно – «вперёд и с песней»! Смелость города берёт, а тут только администрация города.

Поднимаюсь на пятый этаж, показываю рекомендательное письмо одной доброй женщине из отдела кадров. Она, прочитав его и рассказав, сколько нас таких здесь ходит, ласково отправляет меня... домой. Примерно этого я и ожидала, но мой научный руководитель сказал, что сейчас мэром стал его выпускник, и в случае отказа в отделе кадров обратиться к нему. Меня готовили к общению с аппаратом власти заранее. Иван Васильевич, мой руководитель проекта, сказал, чтоб я пошла на приём к мэру и передала от него привет. Дальше мне надо рассказать о своих исследованиях и попросить разрешения продолжить их в администрации. Мониторить социально-психологический климат в коллективе – это сейчас модно. И мне надо убедить, что это я могу сделать.

Итак, получив отказ, я прямёхонько направилась в приёмную мэра города. Его, конечно, ждало очень много людей, но это не проблема. Проблема была в другом: как объ-

яснить секретарю, что я, собственно, хочу. А... скажу, что хочу передать привет из академии от Ивана Васильевича, а там посмотрим. Секретарь резко выделялась из всех присутствующих в приёмной. Подтянутая, ухоженная и уверенная в себе женщина средних лет. Во всём чувствовалась выучка определённого ведомства – профессионал в стиле милитари. Как ни странно, она первая, кто протянул мне руку помощи. Именно она научила меня, как обойти всех страждущих в приёмной и попасть прямо на мэра. Когда он вышел из кабинета и собирался уходить, она остановила его и представила меня. Он посмотрел и сказал: «Пойдёмте! Поговорим на ходу, если хотите».

Я передала все приветы и коротко изложила суть проблемы. Он осмотрел меня с ног до головы. Да... явно на Венеру Милосскую я не тяну, ну не за этим я сюда пришла.

— Приходите завтра в 7:30 утра, там и поговорим.

Отлично!!! Вот это день! Устала, как три собаки, но результат того стоит.

Я мчалась домой и свято верила, что Бог на моей стороне. Фонари освещали мне путь, и под этим светом снег пытался искриться и соответствовать моменту. Сегодня мне так долго и много говорили, что у меня не получится. А нет, граждане, Бог на моей стороне!!!

Человек! Как же запутана может быть твоя жизнь! Пожалуй, так будет правильно:

Что в жизни видит человек?

Победы, встречи, расставанья.

Просты – как первородный грех.

Сложны – как муки мирозданья.

Мы погибаем в суете,

Попав в капкан чужих мечтаний.

Блуждаем где-то в пустоте,

В потоке лживых обещаний.

Мы позабыли чудеса

И Бога в сердце не впускаем.

Помолимся – когда гроза...

И тут же чёрта призываем.

Но наше «солнечное Я»

Всё ж к благородному стремится.

Душа вдруг «встанет на крыло»

И в даль небесную умчится.

Приду, надо будет записать. Да, странный сегодня день. Я где-то видела этого мэра... Где?.. Надо вспомнить, как его зовут... Борис Михайлович! Точно, не забыть бы.

Я открыла дверь своей квартиры и с порога, раздеваясь, начала рассказывать маме всё, чего удалось добиться сегодня. На душе было радостно, как на Рождество. Да, скоро Рождество, и это здорово. Мама накормила меня сразу и обедом, и ужином, потом вколола мне уколы – и в люлю... Завтра – ответственный день. Ну а перед сном я всё же поделилась своим сомнением с мамой:

— Мам, я где-то видела этого мэра. Ты что-нибудь знаешь о нём? Я точно знаю, я его видела, но вот где?

— Может, он на Олега твоего похож?

— Не... Абсолютная противоположность. Он обычный, но вот его глаза... Глаза у него необычные – это точно! Ну да ладно – утро вечера мудренее.

Усталость брала верх над моим телом и сознанием, и я заснула.

Сон мой был беспокойным. Мелькали эпизоды службы, учёбы в академии. Всё это перемешивалось и создавало ощущение круговорота. Но вдруг всё кончилось. Я как будто в какой-то комнате. Это явно деревенский дом. Нет, он не в деревне, он в городе.

Пожилая женщина смотрит на меня. Она укрыта полумраком этой комнаты, и я вижу только её лицо. Лицо женщины, познавшей жизнь, – мудрое и усталое. И эти удивительные глаза... Она была подвязана платком – белый платок с красными цветами. Её когда-то голубые глаза смотрели на меня. Я часто вижу ушедших в мир иной. Они приходят, чтобы что-то сказать. Эта женщина явно из этой категории посетителей. Она, казалось, решала, говорить ли со мной. И всё же решила заговорить.

— Помоги ему – моему сыну.

— Кто он?

— Ты встретила с ним сегодня. Его зовут Борис.

— Он в опасности?

— Да!

— Он виноват в этом?

— Нет. Он хочет жить лучше. У него много врагов.

— Почему я?

— Ты сможешь.

— Хорошо, я обещаю.

Всё исчезло, как будто и не было вовсе. Звонил будильник.

Этот сон озадачил меня. Эти общения – мой крест. Это дар, который передаётся из поколения в поколение. Да... Мать всегда остаётся с нами... Даже если уходит в мир иной. И молится за нас, грешных... Молитва матери...

■

Молитва Матери всегда тебя спасает.

С её молитвы – Бог благословляет.

Лишь Мать любым ребёнком принимает...

Лишь Мать твои слезинки утирает...

Лишь Мать любовью душу насыщает...

И наши все грехи в себя вбирает...

Хорошо. Пора выходить. Опаздывать как-то неприлично.

Снегопад

Пора, красавица, проснись... Ещё не расцвело, и я иду по освещённой дороге на трамвай. Снег хрустит под ногами, и этот хруст действует на меня убаюкивающе. Морозно, и воздух лёгкий и чистый. Какое хорошее время года – Зима. Как добросовестная хозяйка, она застелила всю землю белоснежным покрывалом, укутала серость веток инеем, и от этого мир стал уютным и сказочно блестящим. Красиво, но мороз – этот парень не даст тебе расслабиться. Я ускоряю ход – уж очень морозно. В администрацию я приехала за 15 минут до назначенного времени. В приёмной была только секретарь. Мы с ней познакомились. Лариса Ивановна – приятная в общении и предупредительная. Она предложила мне горячий чай, что было очень кстати, и я, обмениваясь общими фразами, любовалась красотами зимы уже из окна тёплой приёмной. И так бы могло продолжаться ещё какое-то время, но вошёл Борис Михайлович.

— Доброе утро! Проходите, а то сейчас народ набежит, и нам не дадут поговорить.

Заходя в кабинет, я увидела, как приёмная начала наполняться посетителями.

— Ну, рассказывайте. Что за исследования вы проводите и какая помощь нужна от нас?

Я объяснила и показала реферат с основными тезисами и

гипотезами, которые мы собирались доказать. Говорю и думаю: наверное, скажет сейчас, что подумает, и всё – пиши пропало... Но он не торопится отказаться от помощи. Задаёт разумные вопросы, и вроде ему действительно становится интересно. Поговорив так ещё минут 15, он вызвал своего заместителя и поручил ему обеспечить мне содействие в моём исследовании.

— Мне необходимо изучить ваш режим работы, Борис Михайлович. Сделать хронометраж рабочего дня и посмотреть, правильно ли распределена нагрузка.

— Хорошо. Только Вам придётся рано вставать и поздно ложиться. Вы готовы? Я сейчас уезжаю. Вас подвезти? Где вы живёте? Сегодня морозно.

— Было бы здорово, а то я продрогла сегодня утром. В трамваях не очень согреешься.

— Тогда поехали, а завтра с утра начнём ваши исследования.

Мы вышли из кабинета и спустились на лифте на первый этаж. Там, у крыльца, стояла белая «Волга». Это, конечно, лучше, чем трамвай. По странному стечению обстоятельств Борис Михайлович ехал на завод, который был рядом с местом моего жительства. Когда мы сели в машину, он спросил:

— Ну, рассказывайте, чем занимаетесь, кроме социально-психологических исследований?

— Я... вот закончила академию и пытаюсь писать диссертацию...

— Это понятно. Вы здесь родились или к нам приехали в гости?

— А-а, вы про это... Да, это мой город, моя родина. Здесь я выросла и работала...

— А где работали?

— В милиции начальником следственно-оперативной группы. Занимаюсь карате. Имею чёрный пояс. Не пью, не курю.

— Серьёзная вы дама... Чёрный пояс...

— Да. Я профессиональный телохранитель. Так что обращайтесь...

Улыбка проскользнула по его лицу. Она проскользнула, а вот глаза продолжали улыбаться. Видно было, что его занимает эта беседа.

— Ну что ж, тогда я, пожалуй, прибегну к вашим услугам. Женщины обычно очень хорошие телохранители. Вы не против?

— Что не сделаешь для хорошего человека! Тем более что я сейчас без работы.

— Да... Пока на работу я вас взять не смогу – горсовет утвердил штатное расписание, но мы что-нибудь придумаем. Это ваш дом?

— Да. Спасибо за приятную беседу. А вот и моя мамочка идёт.

— А у меня вот уже нет мамочки...

— Жаль... Это очень тяжело, наверное...

— Завтра в 7:15 машина придет за вами сюда. Начнём.

— Спасибо. До завтра.

Я закрыла дверь машины. Она тронулась и скрылась из виду, укрываемая снегопадом, который решил обновить снежный покров и запорошить все следы моей прошлой жизни. Он кружил и старательно засыпал всё своими белыми и пушистыми хлопьями. Засыпал дома, дорогу, по которой только что уехала машина, тропинку, по которой шла моя мама, деревья, лавочки – всё. И жизнь, новая жизнь, казалось, начнётся с этого чистого, белого, искрящегося листа.

Но нет... Я подождала маму, которую тоже хорошенько припорошил снегопад. Она шла и улыбалась:

— Как дела? Это кто тебя подвёз?

— Борис Михайлович... Он на завод ехал и меня подбросил до дома. Знаешь, нормальный человек... Завтра начинаю исследования в администрации.

— Твой супруг приходил. Марина Болеславовна приехала... И он сказал, что ты в командировке, и в субботу приедешь. Она встретиться хочет, да и Рождество... Очень сокрушался «твой», что так всё у вас... Хочет, чтобы ты вернулась.

— Ну да, ну да... Ладно, в субботу – значит в субботу...

И я вдруг подумала: вот снег, засыпает всё... А что там, под снегом?.. Хорошо бы, чтобы он посильнее засыпал всё, чтобы можно было писать на этом чистом, белом листе что-то новое и хорошее... И чтобы он, не дай бог, не продырявился и не обнажил то, что должно быть покрыто, запороше-

но и забыто...

— Мам, я сегодня у Иринки переночую, ладно?

— Ладно... Привет Иринке...

— Вот засада... За мной утром машина сюда приедет. А, ладно, вернусь поздно, но сегодня.

Я забежала домой, поела и отправилась к Иринке. Стоит ли объяснять, что молодой организм требует поддержания его в тонусе. Моя личная жизнь была прозаична, как больничный лист. Муж – как диагноз, и друг – как лекарство. С ним мы уже очень давно.

Когда мой муж оставил меня на попечение матери, то я, погоревав немного, рассудила как психолог: надо завести мужчину для поддержания нормального физического и эмоционального состояния. В этом не было больших проблем, потому что он всегда был рядом. Миша уже бросил попытки уговорить меня выйти за него замуж и довольствовался тем, что есть... Вот так и встречались мы с ним – три раза в неделю как по расписанию. Не было никакого обмана – он всё знал и принимал. Холодная правда жизни. Сверху – всё белое и пушистое, а внутри – холодное и колючее. Лучше жить и принимать всё как есть...

■

Зачем казнить и рыдать,
Ведь ты любви не изменяла.
Красавец – это лишь игра.
Тебе ж тепла не доставало...

Что из того? Ты отдалась...

Ведь он владел твоим лишь телом.

Ты телом с ним – душой с другим.

Любви же страсть с другим кипела.

Красавец – только инструмент,

Он подвернулся на момент...

И вот сегодня этот момент в укороченном варианте... Миша поймёт, он хороший...

Миша, Олег, муженёк мой – столько мужиков вокруг, а я одна... Как трамваи – один ушёл, другой пришёл. Белые и пушистые, как этот снег... Белые и пушистые, да вот только не согреться с ними, не согреться. А снег всё шёл и шёл. Казалось, он отгораживал стеной меня от моей жизни. Хотелось опереться об эту стену, заслониться от всего, от своих мыслей, от своей жизни. Заслониться и начать чистую и светлую жизнь – с чистого листа... Но нет... Стена снегопада хрупка и иллюзорна, а его чистый лист – тонкий и ненадёжный. «Всё проходит, и это пройдёт» – вот то, что надо помнить, чтобы не замёрзнуть в этом холодном, белоснежно-пушистом вальсе на балу у жизни.

«Всё проходит» – написано на моём кольце, которое мне подарили в Тибетском клубе. Я часто кручу его на пальце, чтоб ненароком не завертеться в этом белом, снежном вальсе и не забыть, что всё проходит.

Белое и чёрное

К утру снегопад ослабел, и всё вокруг выглядело новым, свежим и накрахмаленным. Машина подъехала ровно в 7:15. Я быстро вышла из подъезда и села в машину, стараясь как можно тише закрыть дверь.

— Доброе утро, Ольга! Меня зовут Пётр. Сейчас за шефом поедem.

— Очень приятно, Пётр! Утро сегодня действительно доброе.

Мы покатили по дороге, оставляя след на свежавыпавшем снегу. Когда мы подъехали к дому Бориса Михайловича, снег уже окончательно закончил свою работу. Было тихо и приятно. Мороз несильно усердствовал — кажется, даже он хотел, чтобы это утро было действительно добрым. Открылась дверь машины, и Борис Михайлович появился в салоне.

— Доброе утро! Как настроение?

— Доброе утро! Настроение замечательное. Природа сделала всё, чтобы утро было добрым и свежим.

— Да... Да вы романтик, Ольга! Ещё и стихи, наверное, пишете?

— Иногда... Просто люблю природу.

На меня почти в упор смотрели его голубые, похожие на небо в апреле, глаза. Он явно оценивал меня по какой-то,

только ему ведомой шкале. Я не люблю смотреть в глаза, но эти глаза меня не отталкивали, если не сказать наоборот. Я люблю смотреть на небо, и вот оно — в этих глазах. Ох, надо быть осторожнее...

— А вы замужем?

— Почти... Так что целиком могу отдаться работе.

— Как это почти?

— Так бывает. А какой у вас сегодня распорядок? Я бы хотела присутствовать на совещаниях и приёме, если это возможно.

— Да, конечно, я и сам собирался представить вас коллективу. Познакомитесь, осмотритесь.

— Огромное спасибо вам за всё!

— Пока не за что. Но я надеюсь, вы, Ольга, будете мне хорошим помощником и телохранителем.

Его глаза снова улыбались.

— Я сделаю всё, что от меня зависит, чтобы было так.

— Всё???

— Борис Михайлович, давайте договоримся сразу... Я видела много дам у вас в приёмной, и все они жаждут вашего внимания. Я сделаю всё для вашего благополучия и безопасности, а они... всё остальное. Так будет лучше для всех.

— Возможно, вы правы. А что, так много дам, вы считаете, жаждут моего внимания?

— Много... Очень пристального внимания и тесного общения — это я как доктор вам говорю. Да и не стоит сильно

разочаровывать женский электорат...

— У вас мужской ум, Ольга. Я поражён.

Мы въехали во двор администрации. Небольшая группа посетителей уже ждала на первом этаже. Меня это напрягло, так как это реальная угроза неконтролируемого допуска к телу, которое ты охраняешь. Стало ясно, что всё будет непросто.

Мы поднялись в приёмную и сразу прошли в кабинет, оставляя просителей за дверью. Борис Михайлович заметил моё смятение и, улыбаясь, спросил:

— Ну и как, Ольга, вы собираетесь меня охранять?

— Кроме физических способов охраны существуют ещё и астральные, ментальные и информационные. Вот на этом и сконцентрируемся. Можно проверить, насколько вы уязвимы, есть ли повреждения в полях. Далее я предлагаю перед обедом массаж, потом обед и чай. Это сможет помочь избежать или вовремя скорректировать повреждение ваших энергетических полей. Моё присутствие на совещаниях и приёмах нужно для того, чтобы я вовремя могла нейтрализовать атаки. Никто ничего не заметит — я просто буду сидеть и писать или слушать. Ничего необычного.

— Откуда вы всё это знаете и где научились? Это очень интересный подход, особенно массаж мне нравится.

— Ну вот и прекрасно. Я учусь в Москве — в Академии психоанализа и гипноза, и ещё учусь в Тибетском клубе астральному карате... Так что вы в надёжных руках...

— Сегодня перед обедом вы мне расскажете побольше об этом, а сейчас пойдём знакомиться с коллективом.

Мы вышли из комнаты для отдыха, я села за стол, который был приставлен к большому столу для совещаний. Борис Михайлович попросил секретаря пригласить всех на совещание, и уже через пять минут кабинет был полон начальниками всех отделов и департаментов. Меня представили, объяснили, что я буду изучать и как мне надо помогать.

Дальше совещание пошло своим чередом. Из всего многообразия подчинённых мой мозг выхватил трёх человек — двух женщин и одного мужчину. Они опасны. Каждый стремился приблизиться, но это не страшно, а вот цели и способы — вот это напрягало. Их любовь и дружба за показным лоском и мягкостью скрывали ненависть и зависть. Они готовы были задушить его в своих холодных объятиях для достижения поставленных целей.

Были ещё несколько человек, которые хотели поездить на нём, но они не смущали меня. Я попробовала энергетически воздействовать на этих трёх — удалось. Открыты, читаются элементарно. Ну и хорошо. Одна из этих двух женщин занимается чёрной магией и, кажется, рейки, а другая прибегает к помощи бабки. Весело. Да и немудрено — «разделяй и властвуй»... Ну только он не из таких. Нет, он, конечно, мужчина, но чётко знающий, что ему надо, а чего не нужно. Он сможет играть с этими барышнями, но они устанут, и тогда в ход пойдёт «тяжёлая артиллерия» — это мы проходили...

Главное, всё проверить — время есть, игра только начинается. С мужчиной хуже. Там ненависть. Борис Михайлович мешает ему в каких-то аферах, и там уже зреет заговор, и, возможно, даже очень скоро мы это увидим. Ох и тяжёлая эта вещь — политика.

На войне всё просто — там враг, здесь друг, если не ты, то тебя... А здесь... Всё как будто запорошено свежим снегом — белым и пушистым, блестящим, манящим своей прохладой и мягкостью. Так и хочется распластаться на нём, влиться, соединиться с этим белым снежным ковром и дышать, наслаждаться свежестью... Ну попробуй, соблазнись, и ты пропал. Под белым и пушистым снегом — острые и жаждающие крови ножи, которые притаились под этим лоском и терпеливо ждут своего часа.

Совещание было долгим, и это было для меня подарком судьбы. Я успела «прощупать» всех, кто представлял интерес. Двум интересующим меня дамам я попыталась дать посыл на дружбу, и одна из них, блондинка, кажется, приняла его. Вторая была брюнеткой. Она свято верила в свои магические способности, и мой посыл рассыпался об её игнор. Обе они, кстати, восприняли меня как соперницу. Блондинка, перекрываясь дружбой, попытается вывести у меня всё, что её интересует. Ну это мы пожалуйста.

С брюнеткой хуже — она постарается сжить меня со своего пути, используя весь арсенал, который у неё есть. Ну что ж, устроим астральный спарринг. Известно, что лучшая за-

щита — нападение. Пусть у неё сегодня поболит голова, а я пока подружусь с блондинкой.

Пока я разбиралась, что да как, совещание медленно, но верно близилось к концу. Это меня радовало, так как я уже хотела отдохнуть, да и брюнетка могла чего-нибудь вытворить, а это было нежелательно... После совещания брюнетка попросила разрешения у Бориса Михайловича, чтобы уехать домой. Она так при этом пускала в ход свои девичьи чары, что трудно было остаться равнодушным к её просьбе. Молодец, что тут скажешь.

Ну что, война войной, а обед по расписанию...

— По расписанию у нас массаж, если вы не возражаете...

— Тогда массаж... А вы, Ольга, сами научились?

— Научилась сама, а учили другие. Рубашечку снимайте, ложитесь, я вас не обижу. Кстати, можно называть меня на ты, когда нет свиты и посторонних?

— Можно.

— Если у вас будут неприятные ощущения или дискомфорт, то скажите мне. А теперь постарайтесь расслабиться и закрыть глаза. Сеанс, я думаю, займёт минут 30, так что можете даже вздремнуть... Ну, Господи, благослови...

Я заметила ещё на совещании, что у него побаливает спина и голова. Начнём с этого. Нехитрые пасы и надавливания, энергетический обмен — вот что нужно для нашего случая. Я массажировала его сильное и хорошо сложенное тело, хоть и лишённое нескольких лишних килограммов. Эти кило-

граммы его не портили, но могли сказаться на его здоровье. Да... Сколько бы отдали страждущие этого тела барышни за то, чтобы вот так массажировать и поглаживать. Я невольно улыбнулась этой мысли.

— Ольга, ты абсолютно точно знаешь, что мне нравится и что мне надо. Ты так чувствуешь моё тело — это поразительно...

— Я чувствую его так же, как своё — это нормально. А вы пишете стихи? Когда вы говорите, то в ваших словах есть мелодия. Это встречается только у хороших поэтов...

— Да, пишу, только времени не хватает на всё. Мне очень нравится твой массаж.

— Вот и хорошо — значит, на пользу. Как минимум позитивной энергией вы зарядились, а теперь и пообедать пора!

— Это точно... Идём?

Мы вышли и направились обедать. Наше появление не могло не вызвать внимания у окружающих, и с этим надо было смириться и принять как должное. Мы пообедали и снова пустились в пучину политических и житейских страстей. Приёмная весь день была наполнена народом, и я добросовестно вела учёт и мониторила время приёмов. День давно погас, и вечер вступил в свои права, когда приёмная наконец опустела.

— Ну, как работа? Устала?

— Есть немного... А вы себя не любите... Почему все к вам идут, что замы не справляются? Это расточительно по

отношению к своему организму. Я понимаю, любовь народная, но дозировать её надо, а то на всех не хватит.

— Да... Сейчас время такое, надо самому разбираться, а то знаешь, чего натворят эти замы за моей спиной...

Я вижу, как его глаза — эти кусочки неба, излучают усталость. Их цвет стал похож на знойное июльское небо, которое устало от палящего солнца...

— Как насчёт лёгкого массажа и чашки чая?

— Ох и балуешь ты меня... Да я только за...

Он распластался на диванчике. Я сразу заметила, что мышцы спины были очень напряжены — перенапряжение. Я слегка изменила тактику массажа, но он от этого не стал менее приятным.

— Я бы хотела посмотреть и сжечь на свече негатив вокруг вас. Вы не против?

— Это магия?

— Нет. Это молитва — Псалом 90 «Живый в помощи». Вы, наверное, слышали о таком?

— Нет. Я только «Отче наш» знаю, но в Бога верю и к магии отношусь негативно.

— Я тоже не очень люблю магов-самоучек. Они бесконтрольно используют силу, которая в конечном счёте губит и их, и тех, против кого они это делают. Кстати, в вашем окружении есть такая дама.

— Да... Это кто? Откуда ты знаешь?

— Я что, зря сижу на ваших совещаниях? Вычислила.

Завтра покажу.

— Какие у тебя чуткие руки...

Он обнял и смотрел на меня своими небесными, с поволокой глазами. Обычная «проверка на прочность»... Голубые глаза хороши, да только мне полюбились карие...

— Борис Михайлович, давайте пить чай... Это просто усталость...

— Тебе виднее... Давай.

— Я к вам очень хорошо отношусь, но лучше не усложнять.

Я говорила это и чувствовала, что мне нужен «спасательный круг», чтобы не утонуть в этой небесной синеве глаз, которые смотрели на меня. Ох, опасный он какой... Чур меня, чур.

— Ладно. А ты можешь прочесть свои стихи? Мне интересно...

— Я просто пишу, как получается, как дышу. Поэтому не судите строго. Вот я недавно написала — называется «Снегопад».

Снегопадом белым улицу скрывает

И следы свиданий наших замечает.

Ледяной пургою к нам разлука мчится,

Белой пеленою к нам в сердца стучится.

А душа, как птица, бьётся в клетке страсти,

В кровь изранив крылья об осколки счастья.

К облакам желаний эта птица рвётся,

В мир любви и счастья, что мечтой зовётся.
Обними за плечи, отогрей губами,
В этот зимний вечер мы решим всё сами.
Растопи любовью ледяную стужу,
Ты такой желанный, мне другой не нужен.
Пусть душа, как птица, бьётся в клетке страсти,
В кровь изранив крылья об осколки счастья.
К облакам желаний пусть та птица рвётся,
В мир любви и счастья, что мечтой зовётся.
Тишина...

— И что, услышал тот, кому это адресовано? Растопил? В целом неплохо, но надо подработать немного...

— А некому слушать — это так, в пустоту написано. Просто настроение, и ничего больше.

— Ну что — по домам?

— Да, пора уже. Тебя, наверное, муж заждался...

— Мы отдельно живём сейчас. И, наверное, уже не будем вместе. Я могу простить многое, но не предательство.

— Ну ладненько, поехали, а то Пётр уже заждался, наверное.

Мы вышли во двор. Снегопад как будто подслушивал и перерастал в метель. Позёмка стелилась по дороге и пыталась замести следы, но, увы, следы слишком глубокие. Они как раны на душе. Надо долго, долго мести и кружить этой метели, чтобы лишь сгладить эти следы, только сгладить, а рубец всё же останется.

Когда мы ехали в машине, то разговаривали на всякие де-
журные темы. На самом деле мы были каждый в каких-то
своих мыслях. Они, как метель за окном, пытались сгладить
следы на наших душах, которые оставила жизнь.

Рабочие моменты

На следующее утро машина подъехала, как и обещано, в 7:15. Утро было морозным. Мороз решил доказать, что именно он, а не снег, является хозяином зимы. И у него это получалось. Казалось, даже воздух замёрз от этого противостояния. Деревья покрылись инеем, похожим на иглы. Уют и очарование куда-то испарились, и воцарился холод. Холод во всём и везде. Природа, казалось, вытянулась в струнку и звенела под натиском ожесточённого и обозлённого чем-то мороза.

Разговаривать не хотелось. Холод проник даже в душу и пытался безраздельно властвовать ею. Мы с Петром обменялись приветствиями и покатали за шефом. Казалось, машина не ехала, а разрезала это ледяное безмолвие. Она была островком тепла и уюта в этой холодной действительности. Мы подъехали к дому Бориса Михайловича, и он, подобно птице, впорхнул в машину.

— Морозно сегодня! Как настроение?

— Да-а-а-а... Настроение рабочее — слегка подмороженное.

— Это мы сейчас исправим. Я думаю, что мне удастся ввести тебя в штат администрации на должность моего помощника. Наверное, денег-то не хватает для хорошей жизни?

— Отличная новость, это как раз кстати. Вы прямо как

Дед Мороз желания угадываете. Я, конечно, могу зарабатывать — люди ко мне ходят лечиться, но хотелось бы не отвлекаться от вашего благополучия. Вокруг вас слишком много всего, от чего стоило бы отгородиться.

— Значит, так и решили. Зайдёшь сегодня в отдел кадров и в орготдел и подпишешь все необходимые документы. Надо успеть до нового горсовета весь комплект документов подготовить. У нас сегодня приём граждан — день будет долгим.

— Замечательно. Для меня чем больше работы, тем лучше.

— От чего бежим?

— От себя...

— Тяжёлая задача... Сегодня тебе дадут кабинет — можешь обустраиваться там. Но это для приёма граждан и работников администрации, а основное твоё место — рядом со мной. Я правильно рассуждаю?

— Абсолютно.

— Может, расскажешь, от чего бежишь?..

— Может, и расскажу, но не сейчас. А сейчас — горячий чай, лёгкий тонизирующий массаж и работа.

Его голубые, небесно-тёплые глаза смотрели на меня. Я смотрела в них и, кажется, согревалась. Было тепло и уютно. Лёд, который покрыл мою душу, потихоньку начинал таять. Это ощущение было приятным и настораживало одновременно.

Мы вышли из машины и юркнули в здание администрации. В приёмной уже был народ. Мы наскоро выпили чай, и я занялась массажем. Это был массаж лишь отчасти. Скорее, я формировала некое энергетическое поле вокруг шефа, для того чтобы уберечь его от негативного воздействия. На лирику времени не было, и я, окончив свою работу и прочтя заградительную молитву, сказала, что мы можем идти.

Казалось, Борис Михайлович относился ко всем моим манипуляциям скорее снисходительно, чем серьёзно. Это, впрочем, неважно — важен результат. Сегодня придётся принять большое количество посетителей, а это уже серьёзно. Многие из них идут на негативной волне — болезни, горе, разочарование, мольбы и требования помочь. Этот груз не из лёгких и может свалить с ног кого угодно. Да, тяжела ты, шапка Мономаха!

Странно, почему до сих пор не создали подразделение биоэнергетической защиты руководителей. Это необходимо!!! Обучать людей основам биоэнергетической защиты — это как обучать основам гигиены. Мы долго жили без Бога, и это наша беда... Когда-то всё это было. В каждом доме были иконы. Все ходили в церковь, молились и верили — вот главная защита. Сейчас всё иначе. Все образованные и легко объясняют промысел Божий с помощью научных терминов, а вот что было первым — курица или яйцо, сказать не могут... Умники...

Мы уже давно не творим утренние, трапезные и вечерние

молитвы. Мы не ходим в храм на службу, не венчаемся, а регистрируемся, заменили слово «союз» словом «брак»... Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт... Вот и вся жизнь наша — сплошной брак.

Ну да, надо жить этими реалиями и пожинать плоды. Там, где нет Бога, на его место приходит лукавый и царствует. Вот мне и придётся заниматься этим порождением лукавого. Сегодня много посетителей с самого утра. Как на ладони видна мотивация их просьб. Они, кто-то в большей, а кто-то в меньшей степени, завидуют и тихо ненавидят власть. Это правда, но никто не скажет это открыто. А ведь тот, кто сидит перед ними — такой же, как они. На фоне всей этой народной любви я чувствую себя как слон в посудной лавке. Как похожа эта любовь на сегодняшний мороз — колючая она какая-то.

Борис Михайлович обвыкся в своей роли и терпеливо, без надрыва, выслушивал и принимал управленческие, да и просто житейские решения. Казалось, всё шло легко и не причиняло ему никакого труда. Но это лишь казалось. Он всё пропускал через себя. Человек, который вырос в бедной семье и сам, только своим упорством и характером добился положения, которое сейчас занимает. Он прекрасно знает большинство тягот, которые ему сейчас рассказывают посетители, и прекрасно чувствует, когда ему начинают рассказывать басни. За это его и не любят... Он принял 120 посетителей... Это дикая нагрузка. Раньше я не предполагала, что так

много людей можно принять за один день — оказывается, можно... Да что тут говорить — все устали и ждали конца этого действия. Люди устали от ожидания и напряжения, начальники подразделений — от непривычного для них темпа работы и уровня нагрузки.

И вот он, конец приёма. Мы вошли в кабинет шефа. Я попросила секретаря принести нам чай и закрыть приёмную. Мы остались одни. Было такое чувство, что мы разгрузили состав с углём, и силы были на исходе.

— И что, Ольга, как денёк?

— Замечательный выдался денёк... А вы отлично справляетесь с народом...

— Да, у меня опыт есть... Я на стройке начинал работать, а там хорошая школа...

— Да уж, мне мама рассказывала...

— Так от чего ты убегаешь?

— Вы хотите ещё и меня в качестве жалобщика?!! Ну уж нет!!! Займёмся-ка мы вами...

Я зажгла свечу, которую припасла заранее. Встала за его спиной и начала читать «Живый в помощи». Свеча трещала и извивалась. Пришлось читать несколько раз, прежде чем она успокоилась и стала гореть ровно и бесшумно. Вот и хорошо.

— Справились, кажется, с негативом. Слышали, как свеча трещала?

— Это-то я слышал, а теперь что делать будем?

Его глаза явно выражали желание. И я лихорадочно думала, что с этим делать...

Он придвинул меня к себе... Пауза. Долгая, как мне показалась. Я не торопилась с реакцией на его действия, а он не торопился действовать. Так мы и замерли. Каждый вычислял действия другого по какой-то своей, жизнью проверенной схеме. Я люблю ломать эти схемы, но решила ещё немного подождать с действием. Если бы на его месте был Олег, он бы не стал ждать — он бы действовал. Но это не Олег... Он тоньше. И это даёт шанс завершить всё без осложнений.

— Ох, Борис Михайлович, вот уволюсь от вас, и тогда... Тогда — да, а сейчас... Давайте закончим все наши дела — и по домам. Вас уже заждались.

Он прошёл своей сильной рукой мне по плечу. В глаза друг другу мы больше не смотрели. Дружбы между мальчиком и девочкой не бывает — это так, но надо стремиться соответствовать. Не время сейчас романы крутить. Да... Наверное, думает обо мне, какая я холодная и колючая... Ох, знал бы он, чего мне стоит этот «холод».

Если бы он пошёл дальше, я бы не устояла, но он романтик и джентльмен, да ещё ранимый, как ребёнок... Он остановился. Значит, так и надо. Я человек практичный в этих отношениях, и, чтобы поправить свой эмоциональный фон, поеду к Мише. И всё будет под контролем.

Каждый сам выбирает свой путь

Вся эта ситуация с Борисом Михайловичем напрягала меня. Я ни в коем случае не хотела крутить с ним роман. Это против моих правил. Но я живой человек — я женщина... Надо искать выход... Поразмыслив, я решила попробовать перевести это всё в игру. Лёгкий флирт и его не обидит, и меня от дальнейших осложнений освободит. Гениальная фраза, придуманная женщинами, — «мне нужно немного времени». Вот и попрошу немного времени, чтоб разобраться...

Это сработало!!! Отношения наши не испортились, и сотрудничество не омрачалось обидами. Изо дня в день шла рутинная и тяжёлая работа. До того как начать исследования в муниципалитете, я думала, что самая сложная и грязная работа — в милиции. Как же я ошибалась... Поток, с которым приходилось справляться здесь, не шёл ни в какое сравнение. Да и к этому прибавлялись закулисные игры и подковёрная возня.

Борис Михайлович — очень неудобный соперник, и этим раздражал бизнес-сообщество. Он не стремился продать всё и вся, пытался разобраться во всех тонкостях и умело затягивал, когда надо было отказать. Ни да ни нет — это его лучшая защита. Мне многие коммерсанты жаловались на эту его методику, но это было оправданно. Торопись не спеша — это главное правило политика. Надо держать паузу, и он её дер-

жал. Он был похож на новогодний снег, которого все ждут, но он не торопится... И вот когда он всё-таки пойдёт, то ему радуется и стар, и млад. Всем он по сердцу — долгожданный.

Но был наш шеф «долгожданным» не только для бизнес-сообщества, но и для светских дам и дамочек из сословия служащих. Я, конечно, со всеми была дружна и не раз утирала слёзы дам от неразделённой любви и разбитых надежд. Я побывала у всех ворожей и гадалок, которые обслуживали этих дам. Работа у меня такая — всех понимать и успокаивать... Как я была довольна, что не поддалась очарованию этих голубых и всепоглощающих глаз.

А дамочки сменяли друг друга, и работы с ними у меня было достаточно. За такой популярностью и моя персона стала волновать Бориса Михайловича намного меньше. Зачем возиться и добиваться, когда сами на грудь падают. Когда дамы слишком увлекались, я начинала присутствовать на всех их встречах и частных беседах — это помогало прекратить преследования. Вот так и жили.

Исследования мои проходили успешно, но мне необходимо было лететь в Москву. Там я планировала проконсультироваться по вопросам, которые накопились и требовали решения. И вот я собралась с духом и спросила у шефа разрешения вылететь в Москву.

— Я забыл тебе сказать, мы в среду вместе летим в Москву. Там будет совещание Союза российских городов, вот и поможешь мне и заодно свои дела сделаешь. Так что заказы-

вай билеты и гостиницу.

— Будет сделано! А на сколько дней летим?

— На 3 дня. Успеешь свои дела закончить?

— Конечно! Я сейчас созвонюсь и назначу встречи.

— Это какие встречи ты назначишь? Рассказывай...

— Я должна зайти проконсультироваться в Институт психоанализа и гипноза, потом посетить одно общественное объединение и заинтересовать их в исследованиях. Да, в общем-то, ничего сложного. Я ещё успею пройти тренинг в институте и, может, даже сдать экзамен — это как повезёт. Если хотите, я познакомлю вас с моим «учителем».

— Там посмотрим. А ты сможешь устроить, чтоб нас встретили и отвезли в гостиницу?

— Конечно, сейчас одному родственнику позвоню. У него скромный «Мерседес-600». Вас устроит?

— Устроит. Давай, дуй за билетами, а у меня встреча с дамой, и ты мне не понадобишься часа полтора. Она говорит, что очень хорошо делает массаж, и сегодня мне это продемонстрирует...

— Очень не рекомендую я вам этого делать... Эта брюнеточка может здорово вас попортить... Потом всю жизнь её вспоминать будете на больничной койке. Обещайте, что не станете делать массаж и не допустите её с манипуляциями до своего тела, это очень серьёзно...

— Ладно, иди за билетами. Поставь свою защиту и иди, а я сам с этой дамой разберусь...

Его глаза выказывали некую озабоченность услышанным, но его желание самовыражаться за счёт побед над этими светскими львицами брало верх. Это становилось опасно. Но делать нечего. Каждый кузнец своего счастья. Я поехала за билетами и постаралась поскорее вернуться обратно. На душе у меня было очень тревожно.

Зайдя в свой кабинет, я позвонила своему «учителю» и договорилась о встрече. Я рассказала вкратце о визите этой брюнетки к шефу и своих опасениях. «Учитель» сказал, что, скорее всего, она решит испортить его как мужчину — это так называемая привязка. Эту тему я знала хорошо — насмотрелась на мужчин, которые приходили на снятие порчи ко мне и к моей бабушке. «Учитель» — ясновидящий, и его словам стоит доверять. Я поинтересовалась, что мне-то делать, ведь это серьёзный вред, который отразится на всей его жизни. «Учитель» разумно заметил, что я ведь его предупредила, но он выбрал свой путь и теперь его пройдёт до конца. «Ладно, я встречу вас в аэропорту, дальше посмотрим». Жёсткий он человек — «учитель». Я поспешила в приёмную и позвонила напрямую шефу.

— Заходи. Всё сделала? Слушай, у меня после этой дамы голова разболелась и спина чего-то болит, посмотри, а...

— Что, зверские позы принимать пришлось, что ли? Массажистка-то ваша умаяла вас, я гляжу...

— Ревнуешь?

— Нет, констатирую факт. Сейчас посмотрим, что она с

вами сделала. Мне нужно вас осмотреть. Вы очень близко общались или как?

— Много вопросов задаёшь. Это что, так важно? Она мне всё-таки массаж делала, уж очень просила... Вот и разболелась спина и голова после неё. Не дано ей...

— Ей другое дано... Она с вас сняла «мантию» и ещё кое-что сделала, что вам вряд ли понравится. Я сейчас посмотрю и точно скажу.

Я зажгла свечу и стала читать молитву. Свеча неохотно горела и трещала, а возле почек совсем погасла, как будто её задули. Это плохо. Она добилась своего, но каким изощрённым способом. Опасная дама. Я осмотрела одежду шефа и, конечно, нашла волосы, закрученные на пуговице, и белую ниточку, которой когда-то были связаны пальцы покойника, за воротом пиджака. Все улики в наличии. «Учитель» был, как всегда, прав — шефа пытались «испортить».

— Вам надо срочно сходить к врачу, у вас что-то с почками. Дама вас пыталась приворожить и основательно попортила вам организм. Это серьёзно. Я договорюсь о вашем визите в больницу, хорошо? Со своей стороны сделаю всё, что в моих силах, но и вам надо быть поосторожнее. Я же вас просила...

— Ладно, сходим завтра. Ты мне массаж будешь делать?

— Конечно, надо же хоть как-то это всё исправлять...

— Вот это другое дело, а то приходят тут всякие, массаж она делать умеет... Да ей только вагонетки на кирпичном за-

воде катать...

— Подхалимаж как раз кстати, а то я не ревную, но предупреждаю...

Я делала массаж, и его боль переходила ко мне. Злая, колючая, как куски льда, готовая разрезать всё на своём пути. Холод покрыл мою спину, и казалось, ещё чуть-чуть, и я рассыплюсь на маленькие льдинки. От всего, что витало вокруг, веяло могильной пустотой и мглой, которая может поглотить в одно мгновение. Нужна помощь — надо просить бабушку и «учителя».

— Как ты это делаешь? Боль ушла! А ты говорила, что эта дама сильная. Истеричка она обычная!

— Не скажите, очень даже профессиональная дама. Вы её лет 10 помнить будете, а может, и всю жизнь...

— Не пугай меня. Ты же рядом — ты меня защитишь...

Его глаза смотрели на меня. Это был взгляд нашкодившего избалованного ребёнка. Он точно знал, что ему всё простят, потому что его все любят. Но он не знал одного — как он себя наказал и что этого он себе не простит никогда.

После того как Борис Михайлович пришёл в нормальное физическое состояние, мы отправились из кабинета во двор администрации. Воздух — это отличный лекарь. Погода была на редкость хорошая. Падал пушистый белый снег. Он деловито застилал площадь, слегка искрясь под светом фонарей. Он хотел угодить всем. Он летел и красовался, искрился и плавно опускался ко всем прохожим на одежду, как будто

желая стать ближе и желаннее.

Но каждый имел на него свои планы... Дворник сметал его в кучи и уничтожал весь лоск и красоту полёта — чем скорее он с ним разделается, тем лучше его будут ценить и уважать. Вот так, и никакой поэзии.

Я смотрела на этот падающий снег, и казалось, что он залетает прямо мне в душу и тает там. Моя душа горела от какого-то плохого и неведомого предчувствия. Я прокручивала события и пыталась понять, как можно было этого избежать, но холодные слова «учителя» засыпали, как снег, все мои аргументы: «Каждый выбирает свой путь и идёт по нему сам и до конца».

Отец Николай

Время изменило свой ход — начался обратный отсчёт. Так бывает под Новый год: каждый ждёт того, что загадал, и верит, что это обязательно сбудется. Верит и боится — вдруг...

Вот и я верила, что всё удастся исправить, и боялась... Для того чтобы понять сложившуюся ситуацию полностью, я погрузилась в глубокую медитацию — этому я научилась на семинарах в Тибетском клубе. Я видела эту женщину и двух мужчин, которые оплатили ей этот визит и действия, которые она совершила... Заказ — точно, что заказ! Они просто сыграли на пристрастии шефа к флирту с дамами! Я пошла дальше...

Здесь замешаны огромные деньги, и эти двое считают шефа виновником потери этих денег... Они готовы на всё, даже на физическую расправу...

Это озарение всё поставило на свои места. Недавно на меня выходили люди из «криминального мира» и по старой памяти сказали, что шеф обидел одного авторитета, зовут его, кажется, Джек. Он занимается алкоголем. Надобно пробить эту тему, что там произошло... Вот завтра и назначу встречу со сведушими людьми — пусть растолкуют, что да как.

Утром мы с шефом сразу отправились к доктору. Спина у Бориса Михайловича болела, и настроение было соот-

ветствующее. Доктор подтвердила мои опасения — камни в почках... После осмотра доктор отозвала меня и тихо сказала:

— Вам бы к отцу Николаю сходить. Он по этой части помогает.

— По какой части? — спросила я осторожно.

— Больно быстро заболел твой шеф, надо бы посмотреть, почему... А священники в этом толк знают. Пиши телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.